

2. *Львіна Ю.М.* СМД-тренінг по трансформації ментальних (розумових) моделей дорослих: методичний посібник для проведення тренінгу «Управління змінами». – Київ: ЦТІ, 2007. – 80 с.
3. *Львіна Ю.М.* Психологічна модель успішності у кризові періоди суспільства // Успішність особистості: потенціал та обмеження // Тези доповідей міжнародної науково-практичної конференції (Київ, 18 березня 2010 р.) / за ред. М.Л. Смульсон, М.Л. Зінченко. – Київ, 2010. – С. 102–105.
4. *Львіна Ю.М.* Результати роботи проекту «Психологія життєвої успішності» у віртуальному середовищі // Тези Міжнародної Інтернет-конференції «Сучасні дослідження когнітивної психології» (ІСРАСР – 2012). – URL: <http://pim.ua.edu.ua/internetkonferencii/iicracp2012/44-osobistist-u-virtualnomu-prostoru-personality-in-virtual-reality?start=4>.
5. *Лотоцька (Львіна) Ю.М.* Чинники впливу віртуального середовища на розвиток інтелектуальних компетенцій особистості // Тези доповідей Міжнародної науково-практичної Інтернет-конференції «Віртуальний освітній простір: психологічні проблеми» (Психологія нового тисячоліття). – URL: http://www.psy-science.com.ua/Konferenciya_2012_05_28.htm.
6. *Лотоцька Ю.Н.* Психологія успеха. Логика невдачі. Прості шаги к переменам» // Блог Живого Журналу. – URL: <http://pocherk10.livejournal.com>.
7. *Lototska (Ilina) I.* Result of scientific research: «Psychology of success» // Abstracts of the XXX International congress of psychology. – Cape Town, 2012 – P. 600.

**МУЖСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ:
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ, СУБЪЕКТНОЕ, И ОБЩЕЕ, НОРМАТИВНОЕ¹**

Н.К. Радина

*Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»
(г. Нижний Новгород, Россия);*

*Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая
(г. Москва, Россия)*

Гендерные исследования в российской психологии – при всей востребованности практикой – набирают высоту осторожно и постепенно, требуя значительного времени на разбег. Методологические дискуссии, которые у коллег за рубежом состоялись в конце XX века, в российских психологических гендерных исследованиях только разворачиваются. Принципиальное противостояние – между теми психоло-

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг. и является частью проекта № 12-01-0203.

гами-исследователями, которые пытаются новую методологическую канву гендерных исследований «прочитать» посредством привычного биологического понятия «пол» (например, на основе устаревшей концепции о психологической андрогинии), и теми, кто принимает социально-конструктивистское содержание понятия «гендер» [2; 6].

Согласно социально-конструктивистскому пониманию, гендерная специфика личности в поведении, эмоциональных проявлениях, когнитивных стереотипах и т. п. формируется, «тренируется» социумом на основе первичной категоризации обществом индивида как мужчины или женщины. С точки зрения социальных психологов, «гендер» на индивидуальном уровне рождается при столкновении требований гендерной социализации и субъектности социализирующейся личности, т. е. человек может принимать – полностью или частично – гендерные нормы общества, в котором он живет, хотя может им сопротивляться. Существующие исследования в социальных науках свидетельствуют о том, что «нормативность» в воспроизводстве «гендера» является основополагающей, а трансформация гендерных норм, как правило, бывает вынужденной и обусловлена стремлением личности приспособиться, адаптироваться к изменившимся социальным условиям [7].

Более «креативной» группой относительно гендерных трансформаций традиционно считают женскую гендерную группу, а мужскую гендерную социализацию определяют как более жесткую и не способствующую творчеству и изменениям [3].

В социальной психологии часто используются социологические понятия, конструкции, открытия, следовательно, при психологическом анализе гендерной социализации следует принять классическое социологическое разделение социального пространства на публичное (преимущественно «мужское») и приватное (преимущественно «женское»), что обусловлено ролевыми доминантами мужчин и женщин в обществе. В этом контексте социализирующийся мужчина выступает как осваивающий роли и функции публичного пространства (профессионал, лидер, воин и т. п.), а женщина – роли приватного, семейного пространства (мать, сестра, жена, ухаживающая за немощными, кормилица, няня и т. п.).

С психологических же позиций возможно усомниться, что сами люди так однозначно определяют себя в контексте функционирования в социуме, предположив, что ориентация на социальные нормы у индивида может доминировать, но не определять полностью конструирование жизненного пути.

Для проверки данной гипотезы на мужской выборке было проведено биографическое интервьюирование в 18 семьях, где в одной семье, совместно, проживают дед, отец и внук, т. е. три поколения мужчин (всего 54 интервью, методика «Линия Жизни» А. Кроника) [4]. Результаты представляемого исследования были сопоставлены с исследованиями, проведенными ранее и включавшими интервьюирование семей, где совместно проживают три поколения женщин – бабушка, мать и внучка [5]. Материалом исследования выступили тексты интервью, инструмент анализа – объективная герменевтика [8], а также психоаналитическая герменевтика А. Адлера [1].

Проведенное исследование показало следующее.

1. Поколение «дедов», представляя свою жизнь в рассказе, весьма традиционно расставляет акценты на учебе и работе. Если учесть, что возраст интервьюируемых колебался от 65 до 82 (более 60 лет, согласно статистике, составляет продолжительность жизни, как правило, образованных мужчин без вредных привычек), не удивительно, что интервьюируемые подробно поясняли, где они учились, какую квалификацию приобрели, куда переводились в процессе обучения. События жизни, связанные с образованием, составили костяк их жизненных историй (более 20 % от общего объема всех событий жизненной истории). События на рабочем месте, воспоминания о новом, а также события, раскрывающие «сферу Я», чуть менее значимы, но также очевидно заметны в общем рассказе пожилых мужчин о жизни.

Важно подчеркнуть, что пожилые мужчины достаточно часто включают в рассказ о своей жизни воспоминания о болезнях, смертях, проступках, преступлениях, проблематизируя социальные границы, регламентирующие переживание боли или моральные границы: «С 1938 года мы жили всей семьей с бабушкой Агафьей в деревне. Отца забрали на войну, когда я был еще маленький, я этого не помню. В 1942 году отца убили под Витебском. После войны были и голод, и бедность. Я сначала учился в деревенской школе, а потом поехал в город поступать в радиотехникум. Денег на проезд не было, добирался на поручнях поезда» (В.К., 78 лет, образование – высшее).

В отличие от женщин, мужчины не уделяли должного внимания рассказу об отношениях между собой и своими близкими, однако в ткань их жизненной истории оказались тесно включенными события жизни их детей (около пятой части всех воспоминаний): «Вернулся с фронта – и горе, и радость, и грусть, и тоска. Из 6 братьев нас вернулось только двое. Пришел – женился, устроился на работу. Родился сын. Это было счастливое время» (Ф.М., 82 года, образование – техникум).

В качестве «Значимых» (методика А. Кроника предполагает как идентификацию наиболее важных жизненных событий, так и указание на наиболее значимых людей) в своей жизни пожилые мужчины наиболее часто называют жену (более пятой части всего упоминания «значимых»), в то время как друзья занимают около десятой части всего списка.

2. Поколение «отцов» в сравнении с поколением «дедов» как бы теряет интерес к работе (существенно уменьшается объем событий, связанных с работой в жизненной истории), в то время как все остальные ключевые тематические блоки остаются без принципиальных изменений (учеба, «сфера Я», новые впечатления, события из жизни детей). Новой темой у зрелых мужчин (возраст – от 30 до 55 лет) оказалась – «материальное», рассказы о покупке имущества (трактора, автомобиля и т. п.) или о строительстве гаража, дома и т. п.: «После армии – женился, купили сад, сразу родился сын. Стали строить дачу. На дачу надо было ездить. Сначала купили два мотоцикла, потом машину» (Н.Б., 47 лет, образование – среднее).

В качестве «Значимых» по-прежнему лидирует жена, но также значимы родители и друзья.

3. Поколение «внуков» очень похоже на поколение «внучек» (доминирование событий из учебной жизни и страсть к новым впечатлениям) с той разницей, что для внучек значимы события, связанные с отношениями, общением, а внуки редко упоминают в своих историях жизни «особенные отношения» с друзьями и т. п. «Значимыми» внуки считают родителей, друзей и учителей (тренеров).

Насколько ожидаемыми оказались данные результаты и что особенного выяснилось при сопоставлении мужских и женских автобиографий, а также автобиографий различных возрастных когорт? Достаточно предсказуемой оказалась ориентация на работу и «сферу Я» у мужчин из поколения «дедов». Установки общества на освоение публичного пространства для мужчин (в первую очередь – на освоение профессии), задающие направление социального движения мальчикам, должны были оказаться отрефлексированными и проговоренными, вставленными в историю своей жизни.

Также предсказуемыми можно считать акценты на обучение и рефлексию нарушений, проблем, трудностей и т. п. Поскольку интервьюирование проходили преимущественно мужчины с высшим образованием (как в поколении дедов, так и в поколении отцов), вероятно, «образовательный вектор» в большей степени, чем профессиональный, отражал их интенцию на публичное пространство в рамках жиз-

ненной истории. Что же касается нарушения правил и наказания за это (а также травмы и болезни) в мужских воспоминаниях, то они, согласно А. Адлеру, проблематизируют необходимость сохранения норм и правил в настоящем, проблематизируют безопасность, которая в контексте мужской социализации постоянно подвергается испытаниям извне.

К непредсказуемым результатам исследования можно отнести обнаружение падения интереса к профессиональной сфере у поколения «отцов» в сравнении с «дедами» при сохранении в целом интереса к прохождению образовательных ступеней. Также неожиданным оказался интерес к событиям жизни детей, готовность включать события жизни детей и внуков в канву значимых событий жизни.

Данные факты наиболее вероятно объясняются тем, что активная трудовая жизнь поколения «отцов» пришлось на испытания 1990-х годов, когда профессиональная карьера многих мужчин в России, особенно в нестоличных городах с разрушенным промышленным производством, оказалась под угрозой или вообще не сложилась. Вынужденное сопротивление обстоятельствам, необходимость работать и зарабатывать независимо от профессии и желания или собственных планов на карьеру, вытеснило профессию из области «значимых событий». Жизненные истории мужчин наполнили события, связанные с «мужским мастерством» (строительство, ремонт и т. п.) и «миром мужских предметов» (покупка автомобиля, трактора, мотоцикла и т. п.).

Ориентация на жизнь детей (особенно это касается мужчин без определенной и яркой профессиональной карьеры), на бытие отцом и особенно дедом настолько велика, что заставляет переоценить отношения между мужчинами и их детьми, по крайней мере в тех семьях, где мужчины присутствуют и занимаются воспитанием своих детей.

Если же учесть высокую значимость «жен» в историях как пожилых мужчин, так и мужчин средней взрослости, необходимо переоценить и однозначную трактовку «мужской жизни» как ориентированную на внесемейный, внешний социум (на войну, профессию и т. п.).

Действительно, в историях жизни женщин более отражен классический социологический взгляд на «женское» как экспрессивное (существенной является доля событий из сферы межличностных отношений), а «мужское» как инструментальное. Тем не менее, субъективное, субъектное (психологическое – не социологическое), творческое проживание и переживание «социальных норм» создает новые пространства, где гендерные стереотипы разрушаются сами собой

только потому, что они мешают реализации обычной человеческой жизни.

Литература

1. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Прогресс, 1995.
2. *Клецина И.С.* Гендерная проблематика в публикациях журналов «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» // Вопросы психологии. – 2012. – № 1. – С. 83–91.
3. *Кон И.С.* История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под общ. ред. М.М. Малышевой. – М., 2002. – С. 188–242.
4. *Кроник А.А., Кроник Е.А.* В главных ролях: вы, мы, он, ты, я. – М.: Мысль, 1989.
5. *Радина Н.К.* Жизненные метафоры женщин как объект практического психоанализа // Журнал практического психолога. – 2006. – № 1. – С. 135–142.
6. *Радина Н.К.* Гендерные исследования в социальной психологии. Социальная психология гендерных исследований // Социальная психология и общество. – 2012. – № 3. – С. 36–47.
7. *Радина Н.К., Никитина А.А.* Возможное влияние женщин как гендерной группы на трансформации мужской идентичности // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 2. – С. 78–87.
8. *Tischer S.* Objective Hermeneutics in Tischer // Methods of text and discourse analysis. Reprint. – London [u.a.]: Sage Publ., 2003. – P. 198–212.

ВЕДУЩИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ВРЕМЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Ю.Б. Шлыкова

Кубанский государственный университет

(г. Краснодар, Россия)

В современной психологии и педагогике накоплено большое количество фактов, свидетельствующих о влиянии социального окружения, в частности семьи, на становление личности в подростковом возрасте. Однако далеко не все из имеющихся данных позволяют повысить эффективность работы с подростками. Особенно это касается подростков из так называемых неблагополучных семей.

На подростковый возраст и приходится становление представлений о своей жизни, о своей целостности во времени. Эти представления определяют идентичность личности, ее целостность, гармонич-